

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш26

Оформление переплета *Андрей Рыбаков*

Шаров, Владимир Александрович.
Ш26 Возвращение в Египет : [роман в письмах] / Владимир Шаров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 768 с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-090818-9

Владимир Шаров — писатель и историк, автор культовых романов «Репетиции», «До и во время», «Старая девочка», «Будьте как дети» — никогда не боялся уронить репутацию серьезного прозаика. Любимый прием — историческая реальность, как будто перевернутая вверх дном, в то же время и на шаг не отступающая от библейских сюжетов.

Новый роман «Возвращение в Египет» (премии «Большая книга», «Русский Букер») — история в письмах семьи, связанной родством с... Николаем Васильевичем Гоголем. XX век, вереница людей, счастливые и несчастливые судьбы, до революции ежегодные сборы в малороссийском имении, чтобы вместе поставить и сыграть «Ревизора», позже — кто-то погиб, другие уехали, третьи затаились. И странная, передающаяся из поколения в поколение идея: допиши классик свою поэму «Мертвые души», российская история пошла бы по другому пути...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090818-9

© Владимир Шаров
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Предисловие	9
ПАПКА № 1	
1993 г. и 1956 г.	17
ПАПКА № 2	
Москва и Вольск, март–апрель 1957 г.	60
ПАПКА № 3	
Казахстан, май 1957 — сентябрь 1958 г.	62
ПАПКА № 4	
Первая детская папка из Вольска, 1931–1937 гг.	71
ПАПКА № 5	
Вторая детская папка из Вольска, 1937–1940 гг.	114
ПАПКА № 6	
Хорезм, лето–осень 1954 г.	172
ПАПКА № 7	
Старица, апрель 1955 — сентябрь 1956 г.	187
ПАПКА № 8	
Москва, октябрь – середина ноября 1958 г.	345
ПАПКА № 9	
Казахстан, середина ноября 1958 — июль 1959 г.	346
ПАПКА № 10	
Москва, август–сентябрь 1959 г.	387
ПАПКА № 11	
Казахстан, октябрь 1959 — август 1960 г.	388

ПАПКА № 12	
Москва, сентябрь — середина ноября 1960 г.	450
ПАПКА № 13	
Казахстан, ноябрь 1960 — сентябрь 1961 г.	465
ПАПКА № 14	
Москва, октябрь 1961 г.	546
ПАПКА № 15	
Казахстан, ноябрь 1961 — сентябрь 1962 г.	548
ПАПКА № 16	
Москва, октябрь 1962 г.	576
ПАПКИ № 17–18	
Казахстан, ноябрь 1962 — июль 1963 г.,	
Москва, август–сентябрь 1963 г.	595
ПАПКА № 19	
Казахстан, октябрь 1963 — август 1964 г.	631
ПАПКА № 20	
Москва, сентябрь–октябрь 1964 г.	669
ПАПКИ № 21–23	
Казахстан, ноябрь 1964 — август 1965 г.,	
Москва, сентябрь 1965 г.,	
Казахстан, октябрь 1965 — июль 1966 г.	677
ПАПКА № 24	
Москва, август 1966 г.	702
ПАПКА № 25	
Казахстан, сентябрь 1966 — май 1968 г.	722

*Памяти моего друга
Саши Горелика*

Предисловие

У каждого есть территория, где всё странно сгущается. В моей жизни это средняя часть Никольской улицы. Здесь в доме № 15, в знаменитой Славяно-греко-латинской академии — на фасаде львы резного камня и солнечные часы — помещается Историко-архивный институт, в котором в свое время я делал диссертацию по Смутному времени. Напротив, на четной стороне Никольской — арка дома № 8: вступишь — и направо церковь Успения Пресвятой Богородицы на Чижевском подворье (между прочим, XVII век), где и сейчас по средам служит отец Глеб Старков, мой еще школьный приятель.

Дальше из первого внутреннего двора во второй — снова арка. В ней непросыхающая лужа на манер миргородской. Обойти ее можно только

кромкой у самой стены, но и тут волна от проехавшей на беду машины захлестнет по щиколотку. Во втором дворе — прямо и чуть левее — подъезд журнала “Знамя”, где в девяносто пятом году у меня печаталась небольшая повесть. Снимая вопросы с редактором, я бывал здесь довольно часто и как-то, уже выйдя на улицу, обратил внимание, что над соседскими дверями новая вывеска — “Народный архив”. Несколько дней примеривался, потом зашел, и оказалось, что чуть ли не все, кто здесь работает, мои старые знакомые по другому архивному институту, уже не учебному, а исследовательскому.

В революцию и Гражданскую войну сгорела в буржуйках, просто сама собой затерялась огромная часть семейных архивов — письма, дневники, прочие свидетельства рядового человеческого бытия. Уцелевшее погубил страх. В тридцатые–сороковые годы, боясь ареста, люди дожгли то, что еще оставалось. Итог печален. Если судьбу тех, кому повезло так или иначе прославиться, можно восстановить (лакуны, конечно, и здесь), то от частной жизни обычного человека до наших дней дошли лишь разрозненные фрагменты. И вот в девяносто втором году несколько энтузиастов решили эти ошметки собрать. В газетах, на равных — по сарафанному радио, архив объявил, что без отбора и разбора возьмет документы у всякого, кто их принесет.

При мне Народный архив ютился в трех среднего размера комнатах. В дальней пока еще небольшое хранение. Во второй за школьными столами трудились студенты; в качестве своей архивной

практики они по всем правилам науки описывали новые поступления. И третья — пустая, которую на выходных арендовал для своих выставок кошачий клуб, — ее я и облюбовал. Стул брал у соседей, вместо стола был широкий подоконник, картину дополняли: идущая через всю стену сверху вниз трещина сантиметра три шириной — по ту сторону контора, торговавшая тканями (я был посвящен во все тонкости их дела), штабеля кошачьих клеток — на каждой фотография и имя хозяйки, то же самое плюс возраст и порода кошки; наконец, в углу мой новый друг, настоящий железный человек — трехметровый металлический шкаф без передней панели, а внутри россыпью бобины с перфорированной стальной лентой, мотки разноцветных проводов, лампы, разъемы. В конце семидесятых годов это была современная вычислительная машина, но с тех пор утекло много воды.

Выше я имел случай сказать, что те, кто работал в архиве, относились ко мне как к старому приятелю. Папка за папкой они несли самое интересное, по возможности выбирая (у меня плохое зрение) машинопись или хороший гимназический, подходил и писарский, почерк. И вот, разложив бумаги на подоконнике, я днями напролет читал чужие письма, дневники и воспоминания.

Помню, что первую коробку (не путать с коробами Розанова) переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго) я увидел как раз в день, когда вышел номер “Знамени” с моей повестью. Дальше гоголевские документы поступали в архив безо всякой системы. Казахские письма оказались в шести

разных коробках — внутри в двух дюжинах папок — одна была из-под печенья, в другой прежде находились косметические наборы. Помню, была и вторая “сладкая”, с ярлыком Харьковской кондитерской фабрики “Октябрь”, остальные три обувные. Сразу должен сказать: нынешняя публикация составила не из самих писем, а из цитат, в сущности, просто выписок, которые я делал по ходу чтения, и уже по одному этому отношения к научной она не имеет. Больше того, в своей массе выдержки (их около тысячи) кратки, посему редкий фрагмент что-то скажет о письме в целом. Они публикуются без точных дат (как правило), часто и без соблюдения хронологии. Соответственно, единственное назначение работы — привлечь внимание к ценному семейному фонду, который с недавних пор сделан доступен. Надеюсь, и дальше останется таким для любого, кто интересуется Николаем Васильевичем Гоголем.

И последнее, что надо сказать. Я провел за чтением гоголевских писем много счастливых часов и всё это время сидел у окна, большая часть которого, как в ваннных комнатах, была закрашена белой краской, но внизу и наверху маляр оставил чистые полосы, отчего за стеклом были видны ноги и головы сотрудников журнала. Одни спешили на работу, другие возвращались домой, иногда какая-то пара останавливалась перекинуться несколькими словами. И от этого, оттого, что ноги и головы людей были так разделены, разнесены, помню странное ощущение, что ноги семят в одну сторону, а головы кажутся в другую.

P.S. Повторю, в первую коробку попала Колина корреспонденция 56–60-го годов. В это время он жил в Старице, позже попеременно то в Москве у мамы, то в Казахстане. В этой же коробке я нашел тоненькую папку с полутора десятками писем, без которых происхождение фонда было бы вообще непонятно. Ниже — письма 56-го года, так или иначе связанные с освобождением отца и его коротким свиданием со своей бывшей женой, Колиной матерью Марией, дальше — с отъездом отца в Казахстан. Год спустя туда же, в Казахстан, поедет и Коля. Впрочем, первое время он на равных с Казахстаном будет жить и в Москве, однако затем визиты в столицу сделаются реже, главное — короче.

В первой коробке оказалась и долагерная (включая детскую) Колина переписка (пять отдельных папок). Весь срок его заключения эти послания пролежали в Вольске, в сарае у Колиной няни Таты; лишь прочно осев в Казахстане, он порциями и безо всякой системы забрал туда и архив.

Вторая коробка заполнена всего на четверть. В ней Колина корреспонденция с 54-го по 56-й год. То есть то, что было написано между его освобождением из лагеря и освобождением отца. Большинство писем тех лет или отправлены из Старицы, или адресованы в этот город. Впрочем, есть и московские.

Остальные коробки — по преимуществу “казахская” корреспонденция Коли, хотя и тут встречаются московские штемпели. Все это писалось и получалось с 60-го года по 91-й, то есть до дня Колиной

кончины. “Казахских” писем много до начала семидесятых годов, затем Колины главные корреспонденты — его дядя — один за другим уходят из жизни и писать делается некому.

С уважением, В.Ш.